

Пролог

Таня с детства знала, что поместье бабушки хранит множество секретов. Как почти все здешние жители, она слышала о заброшенных туннелях, которые — по рассказам — проложены прямо под домом. Как почти все здешние дети, она провела немало дождливых дней, пытаясь найти ведущие туда потайные входы, но ничего не нашла и разочаровалась. К тому времени как ей исполнилось тринадцать лет, Таня давно потеряла надежду обнаружить хоть один туннель и начала сомневаться, существуют ли они в действительности.

В общем, когда книжный шкаф начал поворачиваться в стене, открывая узкую каменную лестницу, которая уходила в пахнущую плесенью тьму, это не повергло ее в изумление. Хотя не вызвало и долгожданного трепета восхищения, так как обстоятельства, приведшие к находке, сильно отличались от того, что она себе представляла.

Если бы кто-то из поместья проявлял должный интерес к происходящему, стало бы очевидно, что туннели уже некоторое время используются, чтобы попасть в дом. И используются кем-то, не имеющим к поместью ни малейшего отношения. Но никто не связывал разные факты и фактики, да и не уделял им отдельного внимания. Ни новостям, которые передавали по радио после похищения, ни странному шороху на старой лестнице для прислуги, раздававшемуся в глубокой ночи. Впрочем, ни один из этих фактов сам по себе ничего особенного не значил.

Теперь же, когда в пещере под домом Таня стояла лицом к лицу с незваной гостьей, все факты всплыли в ее памяти и сложились. Будто ключ вошел в замок и провернулся в скважине до щелчка. Она не знала, что именно ожидала найти здесь, однако точно не это.

Девушка была немногим старше ее самой — лет пятнадцать, не больше. Но зрелость и уверенность, читавшиеся в диковатых зеленых глазах, делали ее старше. О чем-то, безусловно, говорил и нож на ее бедре, но Таня заставляла себя не думать про это, а смотрела на крошечного ребенка на руках у незнакомки.

Ребенок глядел на нее не мигая. От того, что произошло дальше, желудок у Тани сжался от страха. Черты ребенка искажались и изменялись. Кончики ушей удлинились и заострились, кожа приобрела зеленоватый оттенок. Глаза, будто там разлились чернила, стали полностью

черными и пугающе мерцали. Преображения длились буквально мгновение, после чего жуткое зрелище исчезло, но Таня твердо знала, что она видела.

Знала это и рыжеволосая незваная гостья.

— Ты все видела, — прозвучал ее хриплый шепот.

Таня опустила взгляд на создание, что та держала в руках, и подавила крик.

— Не могу поверить, — пробормотала рыжеволосая. — Ты *видела*. Ты тоже видишь их.

В наступившей тишине показалось, что между ними мелькнуло понимание, когда девушка прошептала:

— У тебя есть второе зрение.

Таня вздрогнула.

— Что ты здесь делаешь с этим ребенком?

— Хороший вопрос, — ответила незнакомка. — Сядь, я расскажу свою историю. Уверена, тебе будет интересно.

Часть первая

1

Она знала об их присутствии еще до того, как проснулась.

Веки начали дрожать — верный признак того, что беда рядом. Это непрекращающееся трепетание и разбудило Таню. Она потихоньку открыла глаза под одеялом (любимая детская привычка укрываться с головой). Ей было неудобно, но положение менять не стоило — пошевелинешься, и сразу поймут, что не спишь.

Ужасно хотелось откинуть душное одеяло и ощутить дуновение мягкого летнего ветерка из окна. Таня попыталась убедить себя, что все приснилось, — может, их тут и нет. Но продолжала лежать неподвижно, потому что в глубине души знала: они здесь, — знала так же твердо, как и то, что лишь она способна видеть их.

Веки снова задрожали. Даже из своего укрытия она чувствовала, как воздух в комнате наполняется странной энергией. Чувствовала зем-

листую сырость прелых листьев, аромат грибов и спелых ягод. Это был их запах.

Тихий голос прорезал темноту:

— Она спит. Разбудить?

В своем убежище из одеяла и простыней Таня напряглась. Синяки еще не прошли с прошлого раза — ее щипали до черноты и резко тыкали пальцами под ребра, так что перехватывало дыхание.

— Она не спит. — Второй голос звучал холодно и сдержанно. — Притворяется. Но неважно. Мне так нравятся эти маленькие... *игры*.

Последние следы сонливости оставили ее. Никакого сомнения: в словах слышалась затаенная угроза. Таня приготовилась откинуть одеяло — но внезапно оно оказалось необычно тяжелым, становилось все тяжелее и все сильнее давило.

— Что происходит? Что вы делаете?

Она отчаянно пыталась спихнуть одеяло, которое обвилось вокруг нее будто кокон. Один пугающий миг дышать почти не получалось, но все же ей удалось освободиться и полной грудью вдохнуть прохладный ночной воздух. На несколько секунд Таня испытала облегчение, пока прямо перед своим лицом не заметила стеклянный плафон в форме звезды.

Внезапно Таня осознала, почему одеяло такое тяжелое. Она парила в воздухе, в пяти футах* над кроватью, и одеяло давило сверху.

* Фут — 30,48 см.

— Опустите меня!

Медленно, плохо управляя своими движениями, она попробовала повернуться боком. Одежда моментально соскользнула и упала на ковер, оставив Таню висеть в пижаме лицом вниз над кроватью. Теперь, не защищенная даже простыней, она чувствовала себя ужасно уязвимой. Смахнув волосы с лица, она обвела глазами комнату. Единственным живым существом, которое Таня увидела в темноте, был кот — нелепый пушистый серый перс, устроившийся клубком на подоконнике. Он приподнялся, окинул ее высокомерным взглядом, после чего отвернулся и снова спокойно задремал.

— Где вы? — Ее голос дрожал. — Покажитесь!

Рядом с кроватью раздался неприятный смех. Таня почувствовала, как ее рывком дернуло вперед, и, прежде чем успела сообразить, что происходит, совершила кувырок в воздухе, а за ним еще один... и еще.

— Прекратите! — Она ненавидела отчаяние, которое слышала в собственном голосе.

Кувырки закончились, ее ноги наконец коснулись твердой поверхности. Она стояла на потолке, головой вниз. Шторы странно колыхались на ветру. Таня отвела глаза, пытаясь успокоиться. Словно гравитация изменилась специально для нее одной: кровь не прилиwała к голове, пижама не задиралась, волосы свободно спадали по спине.

Побежденная, она села прямо на потолок. Вот почему они приходят среди ночи. Таня давно по-

няла. Ночью она полностью в их власти, ведь, случись что-то странное днем, у нее гораздо больше шансов выдать это за игру или какую-то шалость. Всего лишь одну «игру», одну «шалость» из многих.

Таня не помнила точно, когда впервые увидела их. Они были всегда. Она росла, шушукаясь с ними, как сама с собой, а родители наблюдали — вначале даже весело, потом обеспокоенно. С годами она научилась убедительно врать. Когда достигаешь определенного возраста, разговоры о волшебных существах перестают нравиться взрослым. Нет уже понимающих взглядов и ласковых улыбок, как в детстве. Таня не принимала это слишком близко к сердцу. Ведь люди не верят в то, чего не могут увидеть.

В последнее время в подобных историях все яснее прослеживалась мстительность. Одно дело — вырезать несколько колтунов после того, как причешешься заколдованной расческой, или заново сделать домашнее задание, которое загадочным образом было испорчено за ночь. Теперь все стало серьезно. Уже несколько месяцев Таня испытывала постоянно гложущее беспокойство, предчувствуя, что раньше или позже случится нечто плохое, с чем не удастся справиться. Сильнее всего она боялась, что все более странное поведение приведет ее на прием к психиатру.

Парить в воздухе было не лучшим вариантом. Если мама проснется и увидит, как она ходит по потолку, то вызовет даже не врача, а священника.

Таня попала в беду.

Рядом прокатилась волна холодного воздуха, и по щеке скользнуло крыло. Большая черная птица задела Танино плечо. Блестящие глаза моргнули, и птица превратилась — быстрее, чем тень исчезает на солнце, — в женщину немногим крупнее птицы. Изогнутый клюв пропал. Появились шелковистые черные волосы и розоватые кончики заостренных ушей. Платье из черных перьев, в котором была женщина, резко отделило ее кожу цвета слоновой кости.

— Рэйвен*, — прошептала Таня. Она смотрела, как из черного платья выпало перышко и медленно слетело на ковер.

Рэйвен не ответила, она встала у изножья кровати рядом с двумя маленькими фигурками: одна пухлая, с красным носом, другая — темно-кожая, поджарая, настороженно застывшая. Оба существа пристально следили за Таней. Первым заговорил тот, что поменьше:

— Ты снова писала о нас.

У Тани вспыхнуло лицо.

— Я не... Гредин, я не писала.

Желтые глаза Гредина, поразительно ярко контрастирующие с лицом орехово-коричневого цвета, сверкнули:

— Это ты говорила и в прошлый раз. И до того.

Снаружи к открытому окну подплывал какой-то прямоугольный предмет, будто его гнало ве-

* Рэйвен (англ. *raven*) — ворон.

тром. Изящно миновал шторы, влетел в комнату и застыл перед Таниным растерянным лицом. Это была тетрадь, довольно новая, в хорошем состоянии, разве что испачканная. В тот день Таня закопала ее в саду под яблоней. Как же она сглупила.

— Твоя, полагаю? — осведомился Гредин.

— Никогда не видела ее раньше.

Пухлый человечек рядом с Гредином фыркнул.

— Ох, да ладно! Ты же не хочешь всю ночь провести на потолке? — Он погладил уменьшенное павлинье перо на своей шляпе и подкрутил потрепанные жидкие усы.

Перо завораживающе замерцало от прикосновения. Маленький толстяк выдернул перо из шляпы и взмахнул им.

Дневник сам собой раскрылся, вывалившийся оттуда комочек земли упал на Танину тапочку и рассыпался. Из тапочки раздалось приглушенное чихание, после чего оттуда выбралось четвертое и последнее существо, похожее на свинью и уродливое. Не без усилия хлопав облезлыми коричневыми крыльями, оно неуклюже взлетело и взгромоздилось на кровать. Уселось и принялось энергично чесаться, щедро осыпая одеяло линяющей шерстью и блохами, а затем невероятно широко зевнуло, потирая мордочку маленькими коричневыми лапками.

Как-то, когда Таня была гораздо меньше и ее родители еще не развелись, она мрачно надулась после материнского выговора.

— Не будь маленьким Мизхогом! — раздраженно бросила мама.

— А что такое Мизхог? — не выдержав, любопытствовала Таня.

— Противное свиноподобное существо с вечно несчастным видом, — ответила мама. — С такой недовольной гримасой ты выглядишь в точности как оно.

Это вспоминалось Тане каждый раз, когда она видела искусанное блохами коричневое создание. Его жалкий вид так соответствовал маминой выдумке, что в мыслях Таня всегда называла его Мизхогом. Если не считать блох и запаха мокрой псины, скромный Мизхог ничем особо не досаждал. Он никогда не разговаривал — по крайней мере, ни на одном понятном Тане языке, — был вечно голоден и имел привычку чесать пузико. В остальном, казалось, он был вполне доволен, посматривая на происходящее вокруг добрыми карими глазами — единственное в нем, что можно было бы назвать красивым. Теперь же, широко их раскрыв, он глядел на нее не мигая и издавая тихие сопящие звуки.

Дневник покачивался перед Таниным лицом. Она быстро перевела на него взгляд.

— Читай, — велел Гредин.

— Но я не могу, — сказала Таня, — здесь слишком темно.

Взгляд Гредина был тверд как камень. Страницы дневника замелькали, перелистываясь сами собой — назад и вперед, словно решая, на какой

из записей остановиться, и замерли на торопливо нацарапанных строчках ближе к концу тетради. Таня сразу узнала запись — она сделала ее меньше двух недель назад. Буквы сейчас различить почти не получалось — да что там, из-за слез, стоящих в глазах, зрение туманилось, в темноте даже свою руку было почти не разглядеть. И тут у Тани зашевелились волосы: со страниц зазвучал ее собственный голос. Не настолько громко, чтобы разбудить кого-нибудь, но вполне внятно и отчетливо. Доносившийся издали, он словно пробивался из-за пелены прошедших дней.

«Сегодня ночью они снова были тут. Почему я? Ненавижу их. НЕНАВИЖУ их...»

Мучительный кусок длился и длился, и Таня могла только с ужасом слушать свой голос — страница за страницей, — злой, огорченный, беспомощный.

Все это время они наблюдали за ней: Рэйвен — устало, Шляпа-с-Пером и Гредин — с каменными лицами, Мизхог — не очень заинтересованно, продолжая почесывать блохастый животик.

— Достаточно, — произнес Гредин, как показалось, целую вечность спустя.

Танин голос немедля оборвался, лишь страницы продолжали шуршать, будто их перелистывала чья-то невидимая рука. Каждое написанное слово постепенно бледнело и исчезало, будто чернила впитывались в промокательную бумагу.

Дневник упал на кровать, рассыпавшись в прах от удара.

— Ты ничего этим не добьешься. — Рэйвен указала на то, что осталось от дневника. — Только расстраиваешь себя сама.

— Кто-нибудь когда-нибудь мог прочитывать, — с горечью сказала Таня, — и поверить мне...

— Правила просты, — напомнил Шляпа-с-Пером. — Ты никому не говоришь о нас. А попытаешься — мы снова накажем тебя.

Останки дневника зашуршали на кровати и, поднятые в воздух, как облако песка, вылетели из окна в ночь.

— Все. Как будто его и не было, — сказал Гредин. — Теперь он там, где розмарин растет у ручья, текущего в гору. Во владениях пикси.

— Не верю я ни в какой ручей, текущий в гору. — Таня мучительно переживала, что выставили на обозрение ее самые сокровенные мысли.

— Пикси — дикие создания, — продолжил Гредин. — Непредсказуемые. Даже опасные. Все, чего они касаются, искажается. И розмарин, известный своей способностью улучшать память, портится. Меняет свойства на противоположные.

Для пущего эффекта он сделал паузу. Таня осмотрительно не стала вновь перебивать.

— Итак, существуют люди, которые известны нам как знахари. Они осведомлены о свойствах всех трав и растений, в том числе розмарина. А розмарин, даже тот, что испортили пикси, годен кое для чего. В правильных пропорциях

он способен навсегда уничтожить воспоминания в разуме смертного, например память о прежней возлюбленной. Очень уместно при некоторых обстоятельствах. Но мы, как бы нам ни претит иметь какие-либо отношения с маленькими грязными пикси, тоже находим применение для этого волшебного растения. Оно крайне полезно, когда люди случайно натываются на наше царство и видят то, что им видеть не положено. Немного испорченного розмарина — и дело исправлено, а с человеком не происходит ничего дурного. Он будто просыпается после приятного сна, который совсем не запомнил. Но случалось, дозу подбирали неверно. И тогда все воспоминания человека стирались начисто. Вот так. — Гредин щелкнул пальцами, и Таня вздрогнула.

— Разумеется, обычно это по недосмотру, что происходит крайне редко, но иногда... всего лишь иногда... это используется в качестве последнего средства, чтобы заставить замолчать тех, кто молчать не хочет. Весьма плачевная судьба — бедолаги не могут вспомнить даже свое имя. Неприятная, но необходимая мера. В конце концов, о том, чего не помнишь, уже не рассказать.

Внезапно Таня ощутила вкус страха.

— Я больше не напишу о вас.

— Хорошо, — сказал Шляпа-с-Пером. — В противном случае это будет очень глупо с твоей стороны.

— Только ответьте мне на один вопрос. — Таня собрала всю свою решительность. — Не может

быть, чтобы я была одна такая. Я *знаю*, что я не единственная...

Взгляд Гредина заставил ее умолкнуть.

Спуск с потолка произошел неожиданно и стремительно. В падении Таня инстинктивно ухватилась за единственное, что было под рукой, — светильник в форме звезды. Раздался ужасный треск, когда провод натянулся под ее весом, а штукатурка вокруг начала отваливаться пластами размером с тарелку и, падая на пол, громко разбиваться. Лампочка выпала и брызнула осколками. Плафон-звезда выскользнул у Тани из рук и, ударившись о шкаф, разлетелся вдребезги. Рухнув на кровать и пытаясь отдышаться, Таня услышала скрип лестницы и тревожные шаги. Даже не поднимая глаз, она знала, что все уже исчезли, как делали всегда, — словно сухие листья, которые унес ветер. В комнату вбежала мама и так дернула ее за плечо, что Таня вскрикнула. Мама с отворачиванием разглядывала разгром в комнате.

— Мам... — прохрипела Таня, — мне... мне приснился кошмар... Прости...

Даже в блеклом свете луны Таня видела обреченность на лице мамы. Она отпустила Танино плечо, медленно села рядом на кровать и, сжав кулаки, надавила ими на закрытые глаза.

— Мам? — прошептала Таня и коснулась ее руки.

— Я устала, — тихо сказала мама. — Я измотана. Не знаю, что еще могу сделать. Я не справ-

ляюсь. Твои вечные попытки привлечь внимание... Я не справляюсь с тобой.

— Не надо, пожалуйста. Я буду вести себя хорошо, обещаю, я стану лучше!

Мама криво улыбнулась:

— Ты всегда обещаешь это. Я хочу верить... хочу помочь тебе, но не могу. И если не говорить со мной или с доктором...

— Мне не нужен доктор! А ты просто не поймешь!

— Да. Ты права, дорогая, я не понимаю тебя. Понимаю только, что я дошла до предела своих возможностей. — Мама замолчала и снова обвела глазами комнату. — Утром ты все уберешь. До последней соринки. А все поломанное и разбитое будешь возмещать из своих карманных денег, неважно, сколько это будет длиться. Чтобы больше такого не повторялось. Меня мутит от этого.

Таня посмотрела вниз и увидела, что в босой маминой ноге блестит осколок стекла. Опустившись на колени, она осторожно вытащила его. На месте пореза проступила темная капля крови. Мама никак не отреагировала. Встала и, сгорбившись, пошла к двери, наступая голыми ногами на хрустящее стекло, — совершенно безучастная.

— Мама?

Дверь спальни захлопнулась. Оставшись одна в темноте, Таня откинулась на кровать. Она была так потрясена, что не могла даже плакать.

Мамино лицо сказала все яснее всяких слов. Сколько раз ее предупреждали, сколько раз говорили о «последней капле, переполняющей чашу терпения»? И теперь, слушая приглушенные рыдания, доносившиеся из комнаты напротив, Таня понимала: сегодняшняя ночь стала для мамы той самой последней каплей.

2

Автомобиль медленно ехал по извилистой дороге меж золотых полей и зеленых деревьев. Листья и ветви сплетались над головой в плотный полог, сквозь который с трудом проникали лучи июльского солнца. Время от времени вдалеке мелькал фермерский дом или загон для скота, и, кроме этого, здесь, в самом сердце сельского Эссекса, смотреть было не на что. Улицы Лондона остались далеко позади.

Таня сидела сзади, холодно глядя в затылок матери.

— Просто не понимаю, почему я должна оставаться с ней. Как будто больше мне жить негде.

— Да. Негде. — Мама коротко обернулась. Ее лицо, без единого следа макияжа, было бледным от недосыпания. — Мы обсуждали это сто раз.

— Почему я не могу просто поехать к папе?

— Ты знаешь почему. Он предупредил, что ближайшие месяцы работает в другом месте,

далеко. Одна, в пустом доме, ты жить не будешь.

— Просто не верится. Прошла всего неделя, всего паршивая неделя каникул, и теперь я обязана торчать у *нее*, — сказала Таня. — Вот к бабуле Айви я бы поехала.

— Ну, бабули Айви больше нет. Она умерла уже три года назад. А тебе не помешало бы постараться и поладить с бабушкой, которая еще жива.

— Конечно, она же круглыми сутками только обо мне и думает. Ужасно застрять в этом жутком, затянутом паутиной доме даже на несколько дней — да и то только потому, что ты настаиваешь!

— Неправда.

— Нет, правда! Она не больше, чем я, хочет, чтобы я жила у нее, и мы обе это прекрасно знаем. Вспомни хоть один — хоть один — раз, когда она приглашала меня сама, по своей воле, — потребовала Таня.

Мама промолчала.

— Не можешь вспомнить? Вот так.

— Хватит. Ты сама виновата — подумай, что натворила прошлой ночью, не говоря уже о последних месяцах... — Мама заговорила мягче: — Мне нужна передышка. Нам обеим нужна. Всего на несколько недель. Я даже позволила тебе взять с собой Оберона. А потом, когда вернешься, нам предстоит серьезный разговор.

Таня ничего не сказала, пытаясь проглотить ком в горле. Мама поставила диск в CD-плеер, и это значило, что тема закрыта.

Упитанный коричневый доберман, примостившийся на сиденье между Таней и ее вещами, жалобно заскулил. Она положила руку ему на голову, почесала за шелковистыми ушами, чтобы успокоить, и с несчастным видом уставилась в окно. Ее протесты не имели ни малейшего значения. Результат все тот же. Придется оставаться с бабушкой столько, сколько велют.

Путешествие продолжалось. Мама смотрела прямо на дорогу, хмурая Таня с заднего сиденья буравила взглядом ее затылок.

— Вот и добрались.

Таня посмотрела, куда указывала мама, но ничего не увидела — только ряды густых деревьев и кустов.

— Все заросло немного сильнее обычного...

— Тут всегда все заросшее, — фыркнула Таня. — Еще чуть, и мы бы проехали мимо.

Вдоль въездной дороги стояло так много деревьев, что невозможно было разглядеть, где она заканчивается. Ветки скребли по бокам машины, а недовольные вторжением многочисленные существа раздраженно слетали с деревьев. Одно уселось на окно рядом с Таней и с любопытством таращилось на нее. Так и сидело около минуты, непрерывно ковыряя в носу грязным пальцем. Вскоре, к ее облегчению, ему это надоело и оно улетело обратно к деревьям. Таня вздохнула, не сомневаясь, что дальше их будет больше. Почему-то эти создания всегда знали, что она видит их. Можно было изо всех

сил притворяться, что это не так, однако их все равно тянуло к ней, как магнитом.

Узкая дорога все петляла и поворачивала, будто они ехали в лабиринте, из которого нет выхода. Наконец деревьев стало меньше, вокруг посветлело, и, свернув очередной раз налево, машина остановилась перед огромными воротами с висячим замком и кованой надписью «Поместье Элвесден». По обе стороны ворот на каменных столбах скалили зубы гаргульи. Мама пару раз посигналила и взглянула на часы на приборной панели.

— Почему еще не открыли ворота? Мы же предупредили, что нас надо ждать около десяти часов.

Она снова раздраженно нажала на сигнал. Прошло несколько минут. Таня отвела глаза от недружелюбных гаргулий. За высокой стеной виднелась только крыша дома.

— Давай разомнем ноги. — Мама открыла дверь и вышла.

Вылезла следом и Таня, радуясь, что можно покинуть жаркую тесную машину. Оберон выскочил и побежал к деревьям, приносясь и помечая новую территорию.

— Свежий сельский воздух пойдет тебе на пользу.

Таня бросила на мать ядовитый взгляд. Послышался звон колоколов, и она вспомнила про маленькую церквушку неподалеку от дома. Никаких других строений в обозримых окрест-

ностях не было. Хотя дорога заняла немногим больше пары часов, казалось, что они находятся в полной глуши, отрезанные от остального мира. Прикрыв глаза от солнца, Таня посмотрела вперед. К ним быстро приближалась темная фигура.

— Уорик, — с облегчением сказала мама.

Таня пнула камешек. Ей не особо нравился смотритель поместья. Много лет назад, когда здесь росла ее мама, за поместьем следил Амос — отец Уорика. А когда Амос отошел от дел, его место занял сын. Они жили в поместье вместе с бабушкой Тани, Флоренс, и сыном Уорика, Фабианом, которого Танина мама именovala «беспардонным маленьким поросенком». Пусть в этом и была некоторая доля правды, но Таня все-таки испытывала нечто вроде симпатии по отношению к Фабиану. Мать мальчика умерла, когда ему было пять лет, а отец уделял мало внимания его воспитанию — ничего удивительного, что он рос несносным.

Уорик подошел ближе. На нем было слишком теплое, не по погоде, длинное пальто и грязные моlesкиновые брюки, заправленные в такие же грязные сапоги. Всклооченные темные волосы с проседью небрежно прихвачены сзади в хвост. Смуглая и грубая кожа указывала, что смотритель проводит много времени на открытом воздухе. В знак приветствия он лишь хмуро кивнул.

Отперев ворота, Уорик жестом предложил им сесть обратно в машину. С неприязнью Таня

заметила, что за спиной у него духовое ружье. Он распахнул заскрипевшие ворота и отошел в сторону, чтобы пропустить автомобиль.

Как и всегда, при виде дома глаза Тани расширились. Без сомнения, в конце восемнадцатого века, когда его построили, он производил грандиозное впечатление. Не меньше двадцати спален, не считая старых комнат для прислуги, и почти столько же некогда богато отделанных кабинетов, гостиных и залов. Особняк даже сейчас выглядел неординарно, и, если бы его должным образом содержали, он, вероятно, все еще был бы очень красив.

Но вместо этого густой плющ, который карабкался по потрескавшимся стенам, год за годом становился все более диким и отвоевывал себе все больше пространства, оплетая даже окна — словно саван из листьев. Большинство комнат были заперты, другие находились в разной степени обветшалости, а обширная, некогда великолепная территория вокруг дома стала заросшей и неухоженной. Передний двор превратился в царство сорняков. Единственное, что хоть как-то украшало остатки парка, — деревья и заброшенный фонтан. Который, сколько Таня себя помнила, никогда не работал.

Поставив машину, они дожидались Уорика у входа. Он тяжело прошагал по гравию, поднялся по ступенькам к парадной двери и провел их внутрь. Оставшийся снаружи Оберон, тяжело дыша, устроился в тени.

Запах в доме был таким же, как прежде, — сырой, затхлый, с ноткой духов Флоренс. По обе стороны мрачного коридора располагались двери, постоянно, как по опыту знала Таня, запертые. Нынче в доме использовалось всего несколько комнат.

Дальше находился холл с еще несколькими дверями и главной лестницей, ведущей на небольшую площадку, откуда уходили коридоры в оба крыла дома. Верхний этаж, со старыми помещениями для слуг, был почти заброшен, там жил только Амос. Таня осмелилась подняться туда лишь единожды и с громким криком помчалась вниз, когда Фабиан прикинулся, что видит привидение.

— Сюда, — сказал наконец Уорик в своей обычной сухой манере.

Таня поморщилась при виде отслаивающихся, выцветших обоев, в сотый раз задаваясь вопросом, почему бабушка продолжает жить в таком огромном доме — слишком огромном, чтобы содержать его в порядке.

На лестничной площадке стояли старые дедушкины напольные часы, которые никогда не работали как подобает, хотя их несколько раз чинили. Таня хорошо понимала почему: за долгие годы в них обустроилось полно крошечных созданий. Еще одна причина, по которой она ненавидела это место, — все здесь буквально кишело разными существами. Она шла по лестнице за Уориком, мама еще оставалась внизу.

Когда Таня отвернулась, откуда-то из глубины часов донесся ехидный голосок:

— Посмотрите-ка на эту девчонку. А она хитренькая.

Сделав вид, что не слышит, Таня поднялась по ступенькам и застыла. След из разноцветных перьев вел к шаткому комоду, на котором восседал толстый рыжий одноглазый кот с пастью, набитой этими же перьями.

— Чучело, — скучным голосом пояснил Уорик.

Таня заметила на полу чучело фазана, безголовое и наполовину ободранное, и испытала облегчение с примесью отвращения.

— Вулкан! А ну-ка выплюнь! — прикрикнул Уорик, но кот глянул в ответ немигающим глазом и нахально продолжил жевать. Уорик в раздражении прошел мимо и остановился у первой двери слева.

— Вот твоя комната.

Таня молча кивнула. Приезжая в поместье, она каждый раз жила здесь, так что провожать ее было вовсе не обязательно. Уорик либо хотел проявить вежливость, либо не доверял ей и не хотел, чтобы она шныряла по другим комнатам. Исходя из того, что она знала о нем и его поведении, Таня предположила второе.

Как и большинство комнат в доме, Танина была просторной, но скупо обставленной. Потертый ковер, бледно-лиловые обои, местами отстающие от стен. В углу небольшой стол и стул, посередине свежестеленная кровать. В ногах —

свернутое тонкое алое покрывало. На белоснежных наволочках еще остались складки от утюга. Напротив кровати находился чугунный камин, а рядом — дверь в маленькую ванную комнату. К несчастью, в ванной обитало склизкое, напоминающее амфибию существо с нездоровой тягой ко всему блестящему. По вине этого вороватого создания Таня лишилась нескольких украшений и много раз была свидетельницей того, как недоумевающий Уорик доставал из сливной трубы в ванной разнообразные блестящие предметы.

Над камином висела картина «Эхо и Нарцисс»: прекрасный юноша любит свое отражение в лесном озере, а девушка незаметно наблюдает за ним. Таня так и не решила, нравится ей эта картина или нет.

Она водрузила сумку на кровать и вытряхнула ее содержимое. Но и после этого комната выглядела такой же необжитой. Поставив тапочки у кровати, Таня смутно припомнила, как однажды Вулкан подложил в один из них крысиный хвост. Вроде бы теперь, поразмыслила она, шансы, что такое повторится, весьма малы. В свои шестнадцать лет Вулкан по кошачьим меркам практически мог числиться древним старцем. Не считая нападений на чучела в коридорах, самое большее, на что он был способен сейчас, — поймать паука. Или двух. Или муху, если очень повезет.

Она подошла к окну и провела по подоконнику пальцем, оставив тонкий след в пыли. Из окна

открывался вид на несколько кустов шиповника и пару деревьев. За оградой стояла церковь с небольшим кладбищем, а вдалеке простирался лес, который называли Лесом Висельника. Таня смотрела, как мама во дворе садится в машину, и в глубине души порадовалась, что та не стала прощаться. В лучшем случае они обе расстроились бы, а в худшем это вызвало бы новую ссору.

Таня вернулась к кровати и медленно опустилась на нее. Зеркало туалетного столика треснуло, и отражение двоилось. Два одинаковых смуглых лица с карими глазами и темными волосами смотрели на нее из зеркала. Таня отвела взгляд. Никогда еще она не чувствовала себя более одинокой.

3

В глубине Леса Висельника одиноко стоял старый фургон, наполовину укрытый густой листвою и прохладной тенью высающихся вокруг деревьев. Выкрашенный в ярко-желтый цвет, он, тем не менее, не привлекал ничего внимания — люди редко отваживались забредать в эту часть леса. Мало кому было бы уютно обитать в дуплах, но старой цыганке лес дарил заветное уединение. Здесь проходили ее дни, здесь она жила простой жизнью вдалеке от любопытных, враждебных, испуганных взглядов горожан.

Давно поговаривали, что цыганка — ведьма. Она знала все о растениях и травах, которые росли в лесу, и могла вылечить многие недуги. В основном она сторонилась людей. Делилась лекарственными снадобьями, только когда ее об этом просили — и платили. Но старая цыганка владела еще одним даром, будоражившим воображение горожан и не имевшим ничего общего

с растениями и травами. Она обладала способностью видеть прошлое и заглядывать в будущее. Те, кто осмеливался, шли к ней, и она — за деньги — открывала им многое. Однако иногда, и теперь все чаще, сила покидала ее и она не могла ничего поведать. Нередко она видела то, что люди не хотели бы знать, и потому хранила молчание. Как и ее мать и бабушка когда-то, она называла свой дар вторым зрением. В молодости дар посещал ее легко, часто во сне. В последние годы он таился на краю сознания и требовалось усилие, чтобы вызвать его.

Цыганка не любила обращаться к своей силе без крайней необходимости.

Старая женщина смотрела в окно фургона и слушала пение диких птиц. Чтобы отвести жесткие седые волосы от обветренного, морщинистого лица, она заплела их в косу. Глаза ее, несмотря на возраст, были ярко-васильковыми, похожими на птичьи и такими же настороженными. И в них читалась доброта.

Знакомая боль постепенно становилась все сильнее, и цыганка поднесла скрюченную руку к виску. Встала, пошаркала в кухонный уголок, задержавшись взглядом на мелкой лужице, которая набралась в раковине под капающим краном. Мрачные, искаженные тени закружились в воде. Она закрыла окно и задернула шторы, в фургоне стало почти полностью темно. Из маленького шкафчика, покопавшись в многочисленных банках и бутылках, достала деревянную